

США И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ ЗАПАДА

Рубинский Ю.И.

США И ЕС: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ ЗАПАДА

Рубинский Юрий Ильич - политолог и дипломат, доктор исторических наук. Один из наиболее авторитетных специалистов по Франции. В 1970-90-е годы - советник Посольства СССР, затем РФ во Франции. Преподавал в университетах Парижа, Страсбурга, Тура, Экс-ан-Прованса. Лауреат премии Гизо Французской академии, командор (высшая степень) ордена Академических пальм. С 1997 г. - руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики. Автор 350 научных работ.

Характерной чертой эволюции международных отношений конца XX – начала XXI вв. является стремительное чередование сменяющих друг друга проектов мироустройства, ни один из которых не выдерживал испытания на прочность, оказываясь столь же хрупким, преходящим, как и всё предшествовавшее ему.

Этот процесс начался с крушения биполярной системы, сложившейся после Второй мировой войны и сохранявшейся более четырёх десятилетий.

Раскол участников победоносной антигитлеровской коалиции привёл к глобальному противоборству противоположных общественных систем и враждебных военных блоков во главе с двумя сверхдержавами – США и СССР. Каждая из них провозглашала собственную модель общества образцом для всего человечества, обвиняя противника в стремлении навязать её всеми средствами, включая вооружённую силу.

Тем не менее, политико-идеологическая холодная война двух систем не переросла в «горячую», которая была бы равносильна гарантированному взаимному уничтожению противников, а вместе с ними и всей человеческой цивилизации в огне термоядерного Апокалипсиса. Хотя стороны не раз подходили вплотную к этой фатальной черте в ходе берлинского или кубинского кризисов, обе сверхдержавы волей-неволей соблюдали неписанные правила игры, основой которых являлось молчаливое признание де-факто сфер влияния каждой, а вооружённые конфликты с между ними носили косвенный характер поддержки своих сторонников в локальных войнах на периферии Третьего мира («войны по доверенности»).

Гарантией такой сдержанности служило асимметричное, но от того не менее реальное равновесие военных, прежде всего ракетно-ядерных потенциалов сверхдержав, гонка наступательных и оборонительных стратегических вооружений которых с начала 70-х гг. XX в. была введена в определённые рамки советско-американских соглашений об их контролируемом ограничении.

«Равновесие страха» между Востоком и Западом в период холодной войны при всей его порочности оставалось относительно стабильным и предсказуемым. Каждая из сверхдержав сохраняла контроль над собственным лагерем, который не могли поколебать ни диссидентство Титовской Югославии, Албании, Румынии и

даже советско-китайский разрыв на востоке, ни фронда деголлевской Франции на Западе. В случае угрозы выхода союзников из-под контроля в ход шли силовые методы – прямые или косвенные (ГРД, Венгрия, Чехословакия, с одной стороны, Гватемала, Гренада, Иран при Моссадыке с другой).

Падение 9 ноября 1989 г. берлинской стены, за которым последовали антикоммунистические «бархатные революции» в странах советского блока, воссоединение Германии, наконец, распад СССР, положили конец биполярному миру. Главной причиной этого являлись факторы внутреннего порядка – системный кризис советской экономической модели «казарменного социализма» и её тоталитарного идейно-политического костяка.

Между тем Запад воспринял эти эпохальные события сугубо односторонне, сочтя их лишь своей победой в холодной войне, одержанной без единого выстрела. Отсюда делался вывод, что её следствием должно стать восстановление традиционной западной монополии на формирование глобального миропорядка, сохранявшейся на протяжении четырёх веков. Временно нарушившая её биполярная структура международных отношений рассматривалась лишь как случайная аномалия, каприз истории, после которого всё самой собой станет на свои места. Вопрос заключался лишь в том, какой из двух центров западного мира – Европа или Северная Америка будет решать судьбы жителей остальных континентов.

С конца XVI до начала XX в. эта роль безусловно принадлежала Европе, ведущие державы которой разделили планету на колониальные империи и сферы влияния. Со времён Вестфальского мира 1648 г., утвердившего принцип государственного суверенитета, отношения между ними самими строились в рамках т.н. «концерта» с участием Великобритании, Франции, России, Австрии и Пруссии. Его основной задачей являлось поддержание равновесия сил участников с тем, чтобы избежать преобладания одного из них в ущерб всем прочим.

Претендентами на европейскую гегемонию поочерёдно выступали Священная Римская империя Габсбургов времён царствования Карла V с её огромными владениями в Новом Свете, Франция при Людовике XIV и Наполеоне, Россия Александра I и Николая I, наконец, Германия Вильгельма II и Гитлера.

Каждый из них терпел, в конечном счёте, поражение в войне с объединившимися против него остальными участниками «концерта». Результатом очередной пробы сил оказывался передел территорий, населения, ресурсов в Европе и за её пределами, который диктовался победителями побеждённым на общеевропейских конгрессах – Вестфальском после тридцатилетней войны (1648 г.), Утрехтском и Раштатском после войны за испанское наследство (1713-1714 гг.), Венском после наполеоновской войны (1815 г.), Парижском после Крымской войны (1856 г.), Берлинском после очередной русско-турецкой войны (1878 г.), наконец, Версальском после Первой мировой войны (1919 г.).

Основанная на их решениях и юридически закреплённая мирными трактатами система отношений сохранялась до тех пор, пока не нарушалось равновесие сил между сторонниками сохранения выгодного им статус-кво и «ревизионистами», добивавшихся его пересмотра. После очередной пробы сил между ними на полях сражений баланс в «концерте» восстанавливался, но уже на новых условиях.

Грантом бесперебойного функционирования этого механизма выступала Великобритания, проводившая политику «блестящей изоляции» от чрезмерно тесных союзов, чтобы сохранять максимальную свободу рук при выборе партнёров. Будучи промышленной «мастерской мира» и его торгово-финансовым центром, создав величайшую в истории колониальную империю, пути к которой обеспечивались господством на морях, Великобритания могла выступать в роли арбитра между континентальными державами, создавая коалиции против любых претендентов на европейскую, а тем самым и мировую гегемонию, к которой на протяжении XIX в. сама шла ближе всех¹.

Однако в начале XX в «концерт» держав как эффективный инструмент решения вопросов войны и мира в Европе, а вместе с тем и роль последней как главного центра силы в глобальном масштабе бесповоротно ушли в прошлое.

На то было несколько объективных причин. Объединение Бисмарком Германии «железом и кровью» вокруг Пруссии подорвало основы прежнего геополитического равновесия в Европе, расколов её на непримиримо враждебные коалиции. В двух небывало кровопролитных и разрушительных мировых войнах между ними именно Европа стала главным полем битвы, ослабив как победителей, так и побеждённых.

Эти войны, как и Великая депрессия начала 30-х гг. XX в., способствовали возникновению тоталитарных режимов – коммунистических и фашистских, подорвавших общность ценностных основ европейской цивилизации, которая служила необходимым условием существования «концерта». Хотя в нём и прежде сосуществовали аристократические монархии и демократические республики, сам феномен тоталитаризма поставил под вопрос моральное лидерство Европы в мире.

Наконец, уже Первая, но особенно Вторая мировые войны резко подорвали престиж европейских колониальных империй, способствовав процессу деколонизации – сначала политической, а затем в известной мере и экономической.

Те же самые факторы сыграли для Европы, как ни парадоксально, и немалую положительную роль: они решающим образом способствовали развитию европейской интеграции. Наряду с объективными экономическими факторами – необходимостью выхода за узкие границы национальных рынков и углубления международного разделения труда – в его основе лежали и политические. Катастрофические последствия для Европы мировых войн, одной из основных причин которых являлось франко-германское соперничество, властно диктовали его преодоление.

9 мая 1950 г. – в пятую годовщину окончания Второй мировой войны министр иностранных дел Франции Роббер Шуман выступил с предложением объединить производство и сбыт двух важнейших для того времени видов промышленной продукции – угля и стали Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, что сделало бы, по его словам, новую войну между ними не только беспредметной, но и «материально невозможной».

Следствием этой инициативы стало создание в 1951 г. Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), затем подписание в Риме 25 марта 1957 г. договоров о создании

¹ См.: Генри Киссинджер. Дипломатия. Пер. с англ., «Ладомир», М., 1997 г.

Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома), которые полвека спустя легли в основу Европейского союза – одного из ведущих полюсов глобализированной мировой экономики.

Его исходным рубежом и условием существования послужило историческое примирение Франции и Германии, превратившихся из «наследственных врагов» в привилегированных партнёров. Именно франко-германский тандем, скреплённый 22 января 1963 г. Елисейским договором, на протяжении полувека остаётся мотором всего процесса евростроительства.

Если, однако, по началу экономическое превосходство Германии уравнивалось политическими преимуществами Франции (постоянное членство в СБ ООН, ядерном клубе, а главное – ответственности за решение германской проблемы наряду с США, СССР и Великобританией), то после воссоединения ФРГ баланс сил во франко-германском тандеме изменился в ущерб Парижу. Поэтому французские лидеры – Ширак, затем Саркози попытались уравновесить соседа за Рейном развитием традиционного сотрудничества с другим соседом за Ламаншем – с Великобританией, особенно в военной области и в Африке (встреча Ширак – Блэр в Сен-Мало в 1998 г., соглашение Саркози – Кэмерон 2010 г.). Хотя дополнение «оси – Париж-Берлин» «сердечным согласием» с Лондоном отдалённо напоминало былой европейский «концерт», о возврате к нему как системообразующему фактору международных отношений в Европе и тем более за пределами речи быть не может.

В экономической сфере успехи европейской интеграции, несмотря на постоянно сотрясающие её внутренние конфликты и кризисы, не подлежат сомнению. Общий рынок промышленных товаров, дополненный сельскохозяйственной, затем региональной политикой, постепенно перерос в торгово-экономический союз с солидной правовой базой и единой валютой. Углубление интеграционного процесса сопровождалось его расширением с шести государств-основателей до 9, 10, 12, 15, наконец, 27 стран, охватив практически всю Европу, за исключением постсоветского пространства (кроме стран Балтии), Норвегии, Швейцарии и Западных Балкан.

Став экономическим гигантом, равным по основным производственным параметрам США, а по удельному весу в мировой торговле далеко опередившим их, ЕС остался, тем не менее, «политическим карликом». Причины этого очевидны. Несмотря на постоянное совершенствование институционального механизма Евросоюза Маастрихтским, Амстердамским, Ниццким, наконец, Лиссабонским договорами он так и не смог примирить принципы конфедерации суверенных государств и их слияния в наднациональную федерацию. Чем больше расширялся состав ЕС, тем труднее становится находить компромиссные решения между интересами участников, с учётом всё больших различий их масштабов, геополитического положения, уровня развития.

Эта асимметрия особенно ощутимо даёт себя знать в ходе выработки ЕС Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), предусмотренной Маастрихтским договором. Многочисленные решения, принятые на основе консенсуса Евросоветом глав государств и правительств или Советом министров иностранных дел ЕС о единой позиции по основным международным проблемам как правило не получали практического продолжения. Ситуацию вряд ли способно изменить создание на основе Лиссабонского договора поста единого Высокого

представителя ЕС по внешней политике, подчинённого межгосударственному Евросовету, но являющегося одновременно заместителем председателя наднациональной Еврокомиссии. Назначенная на этот пост британская баронесса Кэтрин Эштон, сменившая двух своих предшественников – Хавьера Солану по линии Совета и Бениту Ферреро-Вальднер в Комиссии, имеет весьма ограниченные полномочия – её роль сводится по существу лишь к поискам наименьшего общего знаменателя между позициями суверенных государств-членов ЕС, отнюдь не готовых отказаться от проведения собственного внешнеполитического курса, определяемого национальными интересами.

Ещё скромнее выглядят практические результаты Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), предусмотренной в 1997 г. Амстердамским договором. Несмотря на создание европейцами зародыша автономной военной инфраструктуры – франко-германской бригады, преобразованной впоследствии в Еврокорпус, Военного комитета, штаба и проведение под их руководством отдельных миротворческих операций в Европе (Македония, Босния) или в Африке (Демократическая республика Конго, Чад), «европейская оборонная идентичность» по существу так и не состоялась: ЕПБО остаётся не более чем придатком механизма НАТО, где решающую роль играют США. Это со всей очевидностью доказал опыт конфликтов бывшей Югославии, Ирака, Афганистана, где европейцы играли сугубо подчинённую, вспомогательную роль. Место Европы как претендента на мировое лидерство заняли Соединённые Штаты. Если после Второй мировой войны они были вынуждены делить влияние с СССР, который бросал им не только военный, но и идеологический вызов, то с концом холодной войны и распадом Советского Союза США временно лишились сколько-нибудь достойного соперника в глобальном масштабе.

Их притязания на мировую гегемонию опирались, прежде всего, на весьма внушительный экономический, научно-технический и особенно военный потенциал. В данной связи весьма показателен международный colloquium учёных, в основном американских и британских, прошедший весной 1997 г. в Люксембурге под названием: «Две гегемонии. Британия в 1846-1914 и Соединённые Штаты в 1841-2001 гг.». Анализируя сильные и слабые стороны фактической гегемонии Британской империи во второй половине XIX в., большинство участников colloquium видели в США прямого преемника Великобритании, располагающего по сравнению с ней гораздо более широкими возможностями, хотя и не лишёнными в свою очередь уязвимых черт².

«Америка занимает доминирующие позиции в четырёх имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развёртывания; в области экономики остаётся основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии (ни одной из этих стран не свойственные другие отличительные черты мирового могущества); в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью,

² Two Hegemonies. Britain 1846-1914 and The United States 1914-2001. Patrick Karl O'Brien, Armand Cless (ed.). Ashgate, Burlington – UA, 2002.

особенно среди молодёжи всего мира, – всё это обеспечивает Соединённым Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырёх факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова», – утверждал в 1997 г. бывший помощник президента Дж. Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский³.

Одними лишь факторами материального плана дело не ограничилось. Крушение советского «казарменного социализма» было воспринято Западом как торжество его фундаментальных ценностей – сочетания либеральной рыночной экономики с плюралистической демократией, у которого более нет альтернатив. Причём их оптимальным вариантом, а тем самым всеобщим образцом для подражания, объявили себя США. Именно это имела в виду известная формула Френсиса Фукуямы о «конце истории» и неизбежной имитации западной, прежде всего американской модели общества всеми остальными странами по мере их экономического, политического и духовного прогресса. Распространение американской интерпретации западных ценностей провозглашалось высшим моральным долгом США, отвечающим не только их собственным экономическим и геополитическим интересам, но и призванным стать основой новой системы международных отношений. В её рамках им была бы отведена роль «благожелательного гегемона»-арбитра конфликтов между всеми остальными государствами во имя обеспечения мира и безопасности – в случае необходимости с применением вооружённой силы.

Именно такой смысл вкладывался госсекретарём США Дж. Бейкером в его идею о создании нового мирового порядка от Ванкувера до Владивостока, выдвинутую в момент падения берлинской стены, а развитую затем его преемницей Мадлен Олбрайт – в определении США как «необходимой нации», без участия которой не может решаться ни одна существенная международная проблема. Согласно этой логике, только США с их огромным потенциалом способны взять на себя морально-политическую и силовую ответственность за судьбы мира в глобальном масштабе, ибо многополярный миропорядок показал свою неустойчивость и опасность в двух мировых, а биполярный – в холодной войнах.

Роль несущей конструкции однополярного мира с центром в США отводилась НАТО, состав которой расширился далеко на восток за счёт бывших участников советского блока, а функции распространились под флагом борьбы с массовыми нарушениями прав человека на внутренние конфликты в странах, расположенных далеко за пределами географической сферы действия Вашингтонского договора 1949 г.

Примером практического применения этой доктрины, закреплённой на юбилейном саммите альянса в апреле 1999 г. в его очередной стратегической концепции, стало вооружённое вмешательство в гражданскую войну в Югославии – сначала в Боснии и Герцеговине, затем в Косово, за которым последовали военные действия вне Европы – в Афганистане, Ливии и т.д. Причём эти действия далеко не всегда предпринимались на основе принятия соответствующей резолюции СБ ООН, на который её Устав возложил главную ответственность за поддержание

³ Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. Пер. с англ., «Международные отношения», М., 1999 г. С. 36.

международного мира и безопасности, а если такая резолюция принималась – то её предельно расширительного толкования.

Америкоцентричный миропорядок должен был опираться не только на НАТО, но и на систему других (формальных или фактических) союзов Вашингтона с ведущими региональными державами во всех частях света – Великобританией и Германией в Европе, Израилем, Египтом, Саудовской Аравией на Ближнем Востоке, Японией, Южной Кореей, Тайванем – в Северо-Восточной Азии и т.д. Силовым стержнем сотрудничества с ними служат соответствующие командования вооружённых сил США и их военные базы, охватившие практически всю планету.

Если в первые годы после конца холодной войны США заметно сократили свои военные расходы и закрыли ряд военных баз за рубежом («дивиденды мира»), то уже на рубеже XXI в. они снова резко увеличились, превысив половину оборонных бюджетов всех остальных государств мира вместе взятых. Этому способствовала революция в военном деле, основанная на широком применении электронных средств разведки, связи и сверхточного наведения на цель, в том числе космического базирования. Создавая соблазнительную иллюзию возможности «бесконтактной» войны чуть ли не с нулевыми потерями, эта революция снижала психологические барьеры для применения военной силы в кризисных ситуациях, существовавшие во времена биполярного мира.

Политические и военные опоры однополярного миропорядка, который пытались построить США, дополнялись не менее важной экономической. Ещё на заключительном этапе Второй мировой войны – в 1944 г., когда её участники были разорены и обескровлены, США и Великобритания провели в Бреттон-Вудсе конференцию, решения которой заложили основы международной валютной системы на послевоенный период. Главным из этих решений было придание доллару США, который свободно разменивался на золото по фиксированному курсу, статуса мировой резервной валюты, потеснившей своего предшественника в этой роли – британский фунт стерлингов.

В Бреттон-Вудсе были созданы также два основных финансовых института по кредитованию государств, которые испытывали бы острые трудности с равновесием бюджета и торгового баланса – Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), впоследствии превратившийся во Всемирный банк (ВБ). Хотя в первом управляющим директором являлся европеец, а президентом второго – американец, фактически оба контролировались США, которые располагают наибольшей долей в их финансовых резервах и, соответственно, числом голосов в руководящих органах. Хотя за почти 70 лет, прошедших со времён конференции в Бреттон-Вудсе, экономическая и политическая обстановка в мире радикально изменилась, эти организации по-прежнему играют ключевую роль в международной валютно-финансовой системе – в 2011 г. членами МВФ являются 187 государств, ВБ – 194.

Вплоть до развёртывания мирового экономического кризиса 2008–2010 гг. основой их деятельности служили неолиберальные принципы, которые США настойчиво продвигали за рубежом – свобода движения через границы товаров и капиталов, поощрение прибылей частных предприятий, как главного источника инвестиций и стимула экономического роста путём снижения налогов и минимизации

регулирующей роли государства в экономике, сбалансирование бюджета за счёт ограничения его расходной части, укрепление устойчивости валют и т.д. Тем самым эстафета идей экономического либерализма, свободы торговли и мореплавания (фритредерства), под знаменем которых выступала Великобритания во времена её мирового могущества во второй половине XIX в., была перехвачена столетием спустя Соединёнными Штатами.

Эти идеи приобрели особенно широкое распространение с середины 80-х гг. XX в. под влиянием идей неолиберальной «чикагской школы» Милтона Фридмана, ставших отправной точкой «консервативной революции» Р. Рейгана и М. Тэтчер. Восторжествовавшая в англосаксонских странах, она противостояла не только любым социалистическим экспериментам, но и неокейнсианской практике большинства государств континентальной Западной Европы, широко использовавшей государственные инструменты в ходе послевоенного восстановления их разрушенной экономики⁴.

Наконец, культурную составляющую глобальной гегемонии США её сторонники усматривали в распространении по всему миру американских форм массового потребления и соответствующих товарных брендов, особенно среди молодёжи (голливудских фильмов, джинсовой одежды, ресторанов «быстрого питания» типа «Макдоналдс», рок-музыки и т.д.). Они стимулировали поток эмигрантов в Новый Свет со всех концов света в погоне за миражом «американской мечты» – неограниченной свободы и равенства шансов каждого человека.

Апогеем и в то же время началом конца краткого периода однополярного америкоцентричного мира явилось президентство Дж. Буша-младшего (2000–2008 гг.). Его первая предвыборная кампания строилась на критике чересчур широкой и дорогостоящей интервенционистской политики демократов за рубежом при Клинтоне и обещаниях ограничить её разумными пределами с тем, чтобы сделать возможной реализацию традиционного лозунга республиканцев – снизить налоговое бремя за счёт сокращения расходов федерального бюджета и роль государства в экономике в целом.

Однако дальнейшее развитие событий побудило администрацию Буша-мл. развернуть свой курс в диаметрально противоположном направлении. Масштабные теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, проведённые группой смертников из экстремистской организации «Аль-Каида» во главе с Усамой бен Ладеном, вызвали в общественном мнении США глубокий психологический шок. Впервые за более чем двухсотлетнюю историю Соединённых Штатов американцы столкнулись с угрозой физической безопасности на собственной территории, ограждённой двумя океанами. Более того, исламский фундаментализм «Аль-Каиды» и прочих проповедников джихада – «священной войны» против христианских «крестоносцев» и Израиля бросал вызов фундаментальным ценностям Запада, знаменосцам которых считали себя США: светскости, демократии, правам человека, прежде всего женщин, и т.д.

⁴ В самих США кейнсианские рецепты применялись до Второй мировой войны в ходе преодоления последствий Великой депрессии («новый курс» Ф.Д. Рузвельта) и отчасти сохранялись в политике Демократической партии в послевоенный период.

Сбывались, казалось, тревожные прогнозы Сэмюэля Хантингтона о том, что на смену конфликту идеологий, под знаком которых прошёл XX в, в грядущем столетии может прийти «столкновение цивилизаций», прежде всего западно-христианской и исламской, геополитическим союзником которой способна стать китайская⁵. Причём он ещё в середине 90-х гг. предупреждал, что противники Запада в бывшем Третьем мире будут пытаться противопоставить подавляющему военному превосходству США международный терроризм, особенно опасный на фоне тенденции к распространению атомного оружия.

Администрация Буша-мл. ответила на трагедию 11 сентября 2001 г. коренной ревизией системы внешнеполитических приоритетов США, объявив главным из них «войну против международного терроризма» и его пособников – авторитарных государств-«изгоев», многие из которых стремятся создать или заполучить оружие массового уничтожения. Ответом на эти угрозы должны были быть смена режимов в странах, объявленных Бушем-мл. «осью зла» (Иран, Ирак, Сирия, Афганистан под властью талибов, укрывавших Бен Ладена, Северная Корея и т.д.), в том числе с помощью вооружённой силы, во имя демократизации Большого Ближнего Востока от Атлантики до Индийского океана.

Практическую реализацию этой программы проводили «ястребы» из ближайшего окружения Буша-мл. в лице вице-президента Дика Чейни, министра обороны Доналда Рамсфелда, его заместителя Пола Волфовица, тогда как её идеологическое обоснование взяли на себя представители не особенно многочисленного, но весьма активного течения «неоконсерваторов», в частности Ричард Пёрл и Роберт Кейган.

Идейное кредо неоконсерваторов, сформировавшегося как политическое течение ещё в конце 40-х гг., причудливо сочетало ряд традиционных лозунгов правого крыла республиканской партии – критику чрезмерных расходов федерального бюджета, пополняемого за счёт налогов, разбухания федеральной бюрократии с присущей демократам склонностью к интервенционизму во внешней политике под флагом защиты свободы и демократии, прав человека, в том числе с помощью вооружённой силы.

Если в эпоху биполярного мира острière этого «вильсонизма в сапогах», как прозвали доктрину неоконсерваторов американские либералы, было направлено против СССР и коммунизма, то спустя четверть века они провозгласили своим противником особые более или менее авторитарные режимы вообще – от России или Китая до мусульманских стран, являющихся, по их мнению, объективными союзниками на почве общей враждебности Западу в целом, а США и Израилю в особенности.

«Старое соревнование между либерализмом и автократией снова вышло на поверхность. Мировые великие державы мира всё больше выстраивают свою внешнюю политику в соответствии с характером их режимов. Прорвалась наружу даже старая борьба между радикальными исламистами и современными светскими культурами – первые обвиняют вторых в том, что они проникли внутрь исламского мира, развратив его и взяв его под свой контроль», – писал Роберт Кейган⁶. Для неоконсерваторов холодная война никогда не кончилась – она лишь сменила

⁵ Samuel Huntington. The Clash of Civilization and The Rise of World Order. Simon and Schuster, London, 1977.

⁶ Robert Kagan. The Return of History and The End of Dreams. «Atlantic Books», London, 2008. P. 4.

конфронтацию капитализма с социализмом противоборством либерального капитализма с авторитарным.

«Крестовый поход» Буша-мл. за демократизацию Большого Ближнего Востока обернулся весьма серьёзными последствиями не только для региона, но и для самих США. Хотя начальные этапы военных действий Соединённых Штатов и их союзников по НАТО в Афганистане и Ираке принесли им, благодаря подавляющему техническому превосходству, быструю победу на поле боя, за разгромом армий Саддама Хусейна и «Талибана» отнюдь не последовали мир, стабильность и демократия.

Напротив, Ирак на целое десятилетие погрузился в хаос кровавых междоусобиц между составляющими его враждебными этноконфессиональными группами – суннитами, шиитами, курдами, а сформированное под давлением американских военных и гражданских представителей коалиционное правительство аль Малики так и не приобрело, несмотря на проведение выборов, ни легитимность, ни авторитет. Результатом оказались сотни тысяч жертв среди гражданского населения, 2,5 млн беженцев, разорение экономики страны. США и их союзники также понесли немалые людские потери, не говоря уже о том, что эта самая долгая за всю их историю война обошлась в гигантскую сумму – почти триллион долларов.

Морально-политический ущерб для от иракской авантюры оказался ещё более значительным. Предпринятое без санкции СБ ООН вторжение в Ирак под предлогом необходимости предотвратить создание режимом Саддама Хусейна ядерного оружия обернулось конфузом, поскольку никаких следов его так и не удалось обнаружить. Между тем противоправные действия оккупационных войск – легализация пыток, создание для подозреваемых в терроризме пленных особой тюрьмы на базе Гуантанамо (Куба), издевательства над заключёнными в тюрьме Абу-Грайб в самом Ираке, тайная переброска ЦРУ части заключённых в страны, где практикуется смертная казнь глубоко дискредитировали войну в Ираке среди мирового общественного мнения. Моральный капитал волны сочувствия США после событий 11 сентября 2001 г. был бездарно растрочен.

Вторжение англо-американской коалиции в Ирак решительно осудили три постоянных члена СБ ООН из пяти – не только Россия и Китай, но и Франция, поддержанная Германией, что вызвало самый серьёзный кризис в НАТО за всю историю её существования. Хотя этот кризис постепенно удалось смягчить, осадки от него в трансатлантических отношениях сохранились надолго.

Наконец, одним из последствий войны в Ираке оказалось превращение злейшего врага США – Ирака, избавленного от прежнего традиционного соперника, в ведущего претендента на региональную гегемонию. Это не на шутку встревожило главных союзников США на Ближнем Востоке – Турцию, Саудовскую Аравию, Египет, а главное, разумеется, Израиль, особенно в связи с обвинениями в адрес иранского теократического режима в подготовке к созданию ядерного оружия.

На первых порах могло казаться, что в Афганистане ситуация будет развиваться по иному сценарию: военная интервенция США была легитимирована резолюцией СБ ООН, Североатлантический союз единодушно поддержал её, направив в Афганистан многонациональный контингент (хотя и уступающий американскому по

численности вдвое), Россия разрешила снабжение через свою территорию и не препятствовала созданию баз США на территории среднеазиатских республик бывшего СССР. В таких условиях режим талибов довольно быстро потерпел военное поражение, чему немало способствовала помощь Северного альянса – афганских узбеков и таджиков их противникам.

Однако первые успехи США в Афганистане точно так же, как и в Ираке, не превратились в политическую победу. Движение «Талибан», опирающееся на основной афганский этнос – пуштунов, развернуло затяжную партизанскую войну, установив свой фактический контроль над большей частью территории страны. Власть коррумпированного правительства американского ставленника президента Хамида Карзая ограничилась по существу лишь столицей – Кабулом. Афганистан превратился не только в очаг международного терроризма, но и в крупнейший центр производства и сбыта наркотиков в мире.

Наряду с упорным отторжением пуштунами любой иностранной оккупации, в чём пришлось убедиться бывшему СССР, а ещё раньше Британской империи, важнейшим фактором, игравшим на руку талибам, является активная поддержка со стороны их соплеменников и единоверцев в соседнем Пакистане, где они получают убежище, оружие, боевую подготовку, инструкторов. Причём эту помощь негласно координируют спецслужбы, казалось бы, исторического союзника США на Индостанском субконтиненте. Пакистанские элиты стремятся предотвратить проникновение в Афганистан своего исторического врага – Индии.

Хроническая нестабильность ситуации в самом Пакистане (располагающем к тому же ядерным оружием), где также развернулось движение талибов, заставила США прибегнуть к ракетно-бомбовым ударам по его пограничным провинциям и инициировать смену военной диктатуры генерала Первеза Мушаррафа гражданским правительством. Однако эффективность последнего оказалась немногим выше, чем афганского.

Серия неудач американской политики на Ближнем Востоке – бесславные итоги войны в Ираке, противостояние с Ираном в связи с его ядерной проблемой, афгано-пакистанская головоломка, наконец, провал всех попыток Вашингтона реанимировать переговорный процесс в целях политического решения израильско-палестинского конфликта затронули не только конкретные интересы США в этом ключевом в экономическом и стратегическом отношениях регионе планеты: под вопросом оказались их притязания на роль гаранта мира и безопасности в глобальном масштабе.

Большинство аналитиков, в том числе ряд американских, сходятся на том, что события начала XXI в. окончательно поставили крест на концепции однополярного мира. Этот вывод исходит из не только из констатации сдвигов в соотношении сил ведущих держав на международной арене, но и самого понятия силы. США, безусловно, могли перебросить в Ирак или Афганистан, как раньше во Вьетнам, не ограниченный контингент порядка 120-140 тыс. человек, а большую часть своих вооружённых сил или даже вообще стереть эти страны с лица Земли с помощью ядерного оружия. То же относится и к бывшему СССР в период его силового вмешательства в афганские дела.

Если Вашингтон и Москва заведомо исключили такой сценарий, то по одной и той же очевидной причине. Классическая формула Клаузевица о войне как продолжении политики иными средствами делала его равнозначным сокрушительному морально-политическому поражению, ибо он полностью дискредитировал соответствующую сверхдержаву в глазах мирового сообщества – как противников, так и союзников. С другой стороны эффективность антипартизанской или «антиповстанческой» войны с перенесением основной тяжести боевых действий на подконтрольные местные власти и их войска, обучаемые иностранными инструкторами, имеет жёсткие ограничители. Её успех зависит от множества невоенных факторов, прежде всего отношения основной массы населения к иностранным войскам и их местным пособникам, социально-экономического положения в стране, её этноконфессиональных традиций и т.д.

Даже значительные затраты на экономическую помощь коренному населению не решают проблемы, поскольку их эффект снижается коррупцией местных властей, а ещё больше «побочными издержками» – неизбежными потерями среди мирного населения в ходе боевых действий, которые вызывают враждебность местных жителей к оккупантам и множат ряды движения сопротивления.

Наконец, важнейшее значение имеет не только ситуация в той стране, где присутствует введённый туда извне контингент, но и отношение общественного мнения самого государства, предпринявшего вооружённую интервенцию за рубеж. Чем дальше она затягивается, увеличивая людские потери, финансовое бремя, моральные издержки, тем более растёт оппозиция продолжению войны, подрывая политические позиции её инициаторов, которые вынуждены искать политического решения путём переговоров с противником по возможности без потери лица.

Ликвидация Усамы Бен Ладена американским спецназом в Пакистане была призвана не только дать моральное удовлетворение американским избирателям, глубоко травмированным терактами 11 сентября 2001 г. и повысить тем самым шансы Обамы на переизбрание в 2012 г. Главная цель заключалась в том, чтобы ослабить Аль-Каиду и изолировать её от движения Талибан, облегчив переговоры с умеренным крылом талибов, чтобы подготовить условия для постепенного вывода американских войск из Афганистана. Однако сама такая перспектива подрывает и без того низкий престиж правительства Карзая. К тому же откровенное поспориение акцией американцев суверенитета Пакистана ещё более ухудшило афгано-пакистанские отношения, от которых зависит не только решение афганской проблемы, но и дальнейшее присутствие США в регионе.

Серия провалов политики США на Ближнем и Среднем Востоке была следствием не просто случайного стечения неблагоприятных обстоятельств или ошибок руководства страны. Ещё на заключительном этапе холодной войны политолог Пол Кеннеди доказывал, что гегемонистские поползновения любых великих держав рано или поздно вызывают конфликт между амбициозными имперскими целями и ограниченностью средств для их достижения. Результатом оказывается перенапряжение сил и упадок влияния в мире вследствие военных неудач, экономических трудностей или внутривнутриполитических потрясений.

Этот тезис, который подкреплялся прецедентами истории Франции, Великобритании, Германии, не замедлил получить подтверждение на примере СССР,

а затем и США. «Тревожный и продолжительный факт заключается в том, что общая сумма глобальных интересов и обязательств Соединённых Штатов гораздо шире, чем страна может защищать одновременно», – подчёркивал автор⁷.

Неспособность Вашингтона конвертировать своё колоссальное военное превосходство в желаемый политический результат была связана с коренными переменами глобального контекста. Конфликтные ситуации среди 192 государств-членов ООН во всех концах земного шара столь разнообразны, что контролировать их из одного центра физически невозможно. К тому же суверенные государства, являвшиеся со времён Вестфальского конгресса 1648 г. единственными легитимными субъектами международных отношений, во многом утратили эту исключительную прерогативу.

Некоторые из них, раздираемые гражданскими войнами на идейно-политической или этноконфессиональной почве, не имеют сколько-нибудь дееспособных, легитимных органов власти, оказавшись по сути дела несостоятельными (the failed states). Вмешательство в их внутренние дела во имя предотвращения гуманитарных катастроф и защиты гражданского населения сплошь и рядом оказывается контрпродуктивным, ещё более ухудшая ситуацию. Именно таким оказался плачевный итог интервенции США в Сомали, превратившегося в гнездо морского пиратства. По тому же сценарию развивались и события 2011 г. в Ливии.

В более широком плане опыт Ирака, Афганистана, Сомали продемонстрировал несостоятельность самой идеи насильственной смены режима (the regime change) и «строительства нации» (the nation building), на принципах западной демократии, являвшихся основой стратегии американских неоконсерваторов.

К тому же наряду с суверенными государствами всё более значительный вес приобретают частные акторы, не являющиеся субъектами международного права – неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК), террористические центры, сети трансграничной организованной преступности, занимающиеся торговлей наркотиками, оружием, людьми и т.д. Стать достаточно авторитетным партнёром одних и противником других даже сверхдержава в одиночку не в состоянии – для успешного выполнения этих функций необходимы согласованные усилия всех или хотя бы большинства государств в рамках многосторонних институтов на региональном или глобальном уровнях.

Морально-политическая девальвация военной мощи США, которая неуклонно прогрессирует вопреки отсутствию у них весомого конкурента по объёму оборонных расходов, достигающих половину мировых, усугубляется экономическими факторами.

После Второй мировой войны, из которой как победители, так и побеждённые великие державы Европы и Азии вышли разорёнными и разрушенными, Соединённые Штаты являлись бесспорным гегемоном: на них приходилось 45% общего объёма глобального ВВП. Хотя полвека спустя эта доля сократилась наполовину ввиду восстановления на современной основе и быстрого роста экономики Европы, стимулируемой интеграцией, и Японии Соединённые Штаты всё

⁷ Paul Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers. Fontana Press, London, 1988. P. 666.

ещё остаются первой экономикой мира: они производят почти четверть глобального ВВП, насчитывая лишь 5% населения планеты.

Тем не менее, машина американской экономики даёт всё более заметные сбои. Главным двигателем её всегда был и остаётся высокий уровень внутреннего потребления – частного, производственного, инвестиционного. В то же время военные расходы, значительная часть которых за рубежом – на войны в Ираке и Афганистане, содержание военных баз, вооружённых сил, помощь союзникам на Ближнем и Дальнем Востоке, обходятся всё дороже.

Отсюда – хронический дефицит федерального бюджета, предприятий и семей. К концу первого десятилетия XXI в. госдолг США вплотную приблизился к объёму ВВП страны (14,3 трлн долларов). Этот колоссальный пассив долгое время компенсировался за счёт кредита – низких учётных ставок Федеральной резервной системы и выпуска на рынок казначейских облигаций. Со своей стороны частные банки искусственно накачивали внутреннюю ликвидность выпуском деривативов – вторичных и кредитно-финансовых инструментов, далеко не всегда обеспеченных доходами их держателей. Иными словами, на протяжении многих лет США систематически жили не по средствам. Рано или поздно им предстоял нелёгкий выбор между снижением покупательной способности большинства налогоплательщиков, принадлежащих к среднему классу, что трудно себе представить по внутривнутриполитическим причинам, и свёртыванием государственных расходов, в том числе военных.

Республиканская администрация Дж. Буша-мл. ещё более усугубила ситуацию – она резко увеличила бюджетные расходы, в частности, на войны в Ираке и Афганистане, но в то же время сократила налоги, особенно на зажиточные слои населения, надеясь стимулировать спрос, повысить темпы роста ВВП и обеспечить приемлемый уровень занятости.

Результатом этой противоречивой политики стало неуклонное углубление структурных дисбалансов – отрыв гипертрофированной финансовой сферы от реальной экономики, раздувание спекулятивных пузырей, прежде всего в области ипотечного кредитования, которое вылилось осенью 2007 г. в самый глубокий со времён Великой депрессии начала 30-х гг. XX в. финансово-экономический кризис. В условиях далеко зашедшей глобализации он приобрёл год спустя мировой масштаб.

Стремясь предотвратить паралич кредитной системы, способный вызвать резкое падение производства, торговли и рост безработицы, правительства всех стран мира прибегли к массивному вливанию денежной ликвидности в коммерческие и инвестиционные банки, а также некоторые отрасли промышленности, в частности автостроение, предприятиям которых грозило банкротство. В США и ЕС общий объём бюджетных кредитов частному сектору приблизился к 1 трлн долларов.

Основная цель этих чрезвычайных мер была достигнута: спустя полтора-два года низшая точка кризиса была пройдена и уже в 2010 г. рост мирового ВВП возобновился, хотя и замедленными темпами. Вместе с тем неизбежным следствием роста государственных расходов стало дальнейшее разбухание бюджетных дефицитов и долгов. Оно оказалось особенно болезненным не только для наименее прочных звеньев зоны евро в ЕС (Греция, Португалия, Ирландия), но и для самой

мощной экономики мира – США, заставив правительство и Конгресс жёстко ограничить расходы с риском сократить спрос, затянуть возврат к экономическому росту и усилить социальную напряжённость.

Главным уроком кризиса 2008–2010 гг., который приобрёл системный характер, явилась дискредитация неолиберальной экономической модели США, сформулированной «Вашингтонским консенсусом» и предлагавшейся в качестве образца всему миру. «Если американская версия капитализма дискредитирована не полностью, то она по меньшей мере не является более доминирующей», – констатировали председатель Центра глобального развития США Нэнси Бёрдсел и известный политолог Френсис Фукуяма. – ...В предстоящие годы историки будут рассматривать финансовый кризис как конец американского доминирования в мировых делах. Тенденция к формированию многополярного мира началась гораздо раньше – крушение западных финансовых рынков и медлительность их восстановлению лишь ускорили этот процесс»⁸.

Важнейшим глобальным фактором, подкреплявшим этот вывод, был не только кризис американского варианта модели либерального капитализма Запада, но и фантастический прорыв «всплывающих» гигантов Азии – прежде всего Китая, Индии, стран АСЕАН, а также Бразилии, Турции, Южной Африки и т.д. Соединив неисчерпаемые ресурсы дешёвой рабочей силы с западными капиталами и технологией, они опередили США и Евросоюз по среднегодовым темпам роста ВВП в 3-4 раза. Замедление этих темпов во время мирового кризиса было сравнительно ограниченным и недолгим, а восстановление – гораздо более быстрым, чем на Западе.

Став на протяжении жизни одного поколения второй после США державой по объёму ВВП, Китай с начала XXI в. прочно утвердился в роли «мастерской мира», которую столетием ранее играла Великобритания, а затем Соединённые Штаты. Высокая конкурентоспособность китайского экспорта потребительских товаров, в том числе высокотехнологичных, стимулируемая низким курсом национальной валюты – юаня, обеспечили ему значительный актив торгового баланса, прежде всего с США, дав возможность накопить огромные золотовалютные резервы порядка 2 трлн долларов. Причём значительную часть их составляют казначейские облигации США.

Обоснованно сомневаясь в прочности позиций доллара как мировой резервной валюты и остро нуждаясь в сырье, прежде всего энергоносителях, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста, Китай прибег к широкомасштабному экспорту капитала – скупке активов добывающих компаний за рубежом – от Африки до самих Соединённых Штатов. Попытки американцев сдержать натиск китайского экспорта товаров и капиталов на мировых, в том числе американском рынках требованиями повысить курс юаня под угрозой введения протекционистских таможенных тарифов не увенчались успехом.

Прорыв «всплывающих» стран, изменивший баланс сил в экономике планеты, не мог не отразиться на структуре международной валютно-финансовой системы и

⁸ Nancy Birdsall and Francis Fukuyama. The Post-Washington Consensus. Development after the crisis. «Foreign Affairs», March-April 2011, vol. 90, N 2. P. 46, 52.

опор её архитектуры – институтах, созданных по инициативе США после Второй мировой войны.

Ещё в 1971 г. администрация президента Р. Никсона, столкнувшаяся на фоне гонки вооружений с СССР и зашедшей в тупик в войне во Вьетнаме с серьёзными финансовыми проблемами, объявила о прекращении свободного обмена доллара на золото и перехода к его плавающему курсу. МВФ дополнил доллар США в качестве средства платежа выпуском условной денежной единицы – «специальных прав заимствования» (СПЗ), основанной на корзине из пяти наиболее надёжных национальных валют. Переход Евросоюза в конце 90-х гг. XX в. к единой валюте – евро побудил ведущих торговых партнёров ЕС, в том числе Россию, включить его в структуру своих золотовалютных резервов наравне с долларом. Появились даже проекты возврата мировой экономики к золотому стандарту.

На этом фоне прежняя структура МВФ и ВС, руководство которой поделили между собой американцы и европейцы, как и эффективность сложившейся в 70-х гг. «семёрки» – группы ведущих индустриальных стран Запада и Японии (G-7) оказалась под вопросом. В конце 90-х гг. в «семёрку» была принята Россия (G-8), а в разгар мирового кризиса 2008–2010 гг. её дополнила, а фактически заменила «двадцатка» с участием «всплывающих» государств Азии, Африки, Латинской Америки. Именно на её саммитах обсуждаются отныне ключевые проблемы – способы предотвращения новых кризисов, реформа мировой валютно-финансовой архитектуры, борьба с потеплением климата и т.д., от решения которых зависит будущее человечества.

Наконец, притязания США на роль вершины мировой цивилизации не менее заметно, чем в экономике, пошатнулись и в области культуры. Монополию Голливуда в Азии подорвала Индия («Болливуд»), американских СМИ в арабском мире – телеканалы Аль-Джазира и Аль-Арабия. Лозунги утверждения национальной идентичности, «возврата к истокам» получили широкое распространение не только в Азии, Африке, Латинской Америке, но и в Европе.

Американскому политологу Дж. Наю-мл. принадлежит заслуга введения в оборот понятия «мягкая сила» (Soft Power) – политического, экономического, культурного влияния. «Мягкая сила», по его мнению, призвана гармонично дополнять «жёсткую» – военное могущество⁹.

Между тем в период пребывания у власти республиканской администрации Дж. Буша-мл. (2000–2008 гг.) престиж США в мире опустился до самой низкой точки. Этому способствовали не только неудачи вооружённых интервенций в Ираке и Афганистане, но и общий агрессивный стиль её внешней политики – принятие решений в одностороннем порядке без консультаций и тем более одобрения союзников, упор на военное решение спорных проблем, отказ от любых обязательств, ограничивающих свободу действий Вашингтона (Киотского протокола об ограничении выбросов парниковых газов в атмосферу, Устава Международного уголовного трибунала, выход из Договора 1971 г. об ограничении ПРО с Россией, безоговорочная поддержка политики Израиля, вызвавшей паралич мирного процесса, и т.д.).

⁹ Joseph S. Nay. The Future of American Power. «Foreign Affairs», December 2010.

Американские неоконсерваторы пытались переложить ответственность за резкое ухудшение образа США не только в странах бывшего Третьего мира, особенно мусульманских, но и в Европе на самих европейцев. «Пришло время перестать делать вид что у европейцев и американцев один и тот же взгляд на мир и даже что они живут в одном и том же мире. Пути Америки и Европы расходятся по самому важному вопросу о силе, о её эффективности, морали и желательности. Европа выказывает отвращение к силе или, если взглянуть на это несколько иначе, обходит её стороной, вступая в самодостаточный мир законов, правил, международных переговоров и сотрудничества», – утверждал неоконсерватор Роберт Кейган¹⁰.

Однако неутешительные последствия подобной политики для трансатлантических отношений не заставили себя ждать. Об их неизбежности давно предупреждали реалистически мыслящие аналитики, в том числе в самих США. «Конец холодной войны резко сократил значение военной мощи Соединённых Штатов для Европы, отбросив одеяло безопасности, которое позволяло обеим сторонам прикрывать или разрешать свои экономические споры на благо сохранения антикоммунистического альянса, – констатировал директор американского Института международной экономики Ф. Бергстен. – Отныне отношения между Соединёнными Штатами и Европейским союзом будут всё больше основываться на виртуальном равенстве. США должны будут либо приспособиться к этой новой реальности, либо осуществлять серию арьергардных оборонительных боёв, которые окажутся всё более дорогостоящими и бесполезными, подобно тому, как это делали англичане на протяжении многих десятилетий упадка их лидирующей роли»¹¹.

К тому же выводу постепенно пришли и ветераны американского внешнеполитического истеблишмента – Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский, являвшиеся в своё время советниками по национальной безопасности (а второй – и госсекретарём) двух президентов – республиканца Р. Никсона и демократа Дж. Картера. Характерно, что ни тот, ни другой отнюдь не ставят под вопрос необходимость глобального лидерства США, представляемого в качестве обязательного условия создания устойчивого миропорядка. Полемика между республиканцами и демократами, а в рядах тех и других консерваторами и либералами, «ястребами» и «голубями», порой весьма острая, идёт по существу лишь вокруг выбора оптимальных способов сохранения американского лидерства в быстро меняющемся глобализированном мире.

По мере того, как унитаралистский курс администрации Дж. Буша-мл. явно заходил в тупик, его критики всё настойчивее добивались адаптации внешнеполитического курса Вашингтона к новым реалиям. Именно в этом состояла суть рекомендаций Г. Киссинджера и З. Бжезинского, сформулированных в их работах, вышедших в свет на протяжении «нулевых годов» первого десятилетия XXI в.¹² Общий вывод обоих патриархов американской внешней политики сводится к тому, что в современных условиях прямое доминирование одной отдельно взятой державы в имперском

¹⁰ Robert Kagan. Power and Weakness. «Policy Review», N 113, 2002.

¹¹ «La Lettre de Cofremca Sociovision», Paris, 1998. P. 19-20.

¹² См.: Генри Киссинджер. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. Пер. с англ., «Ладомир», М., 2002 г.; Збигнев Бжезинский. Выбор. Мировое господство или мировое лидерство. Пер. с англ., «Международные отношения», М., 2007 г.; Зб. Бжезинский. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. «Международные отношения», М., 2007 г.

смысле этого слова – Pax Americana не имеет ни перспектив, ни даже смысла. Верховная ответственность за судьбы мира обходится чересчур дорого. В то же время уклониться от неё американцы не имеют права, поскольку адекватной замены не существует.

В таких условиях выход из положения рисуется в виде не возврата к многополярному миру до Второй мировой, или биполярному в период холодной войны, а созданию своего рода пирамидальной структуре с единственной глобальной сверхдержавой – США, десятка крупных держав регионального уровня, равновесие между которыми поддерживал бы Вашингтон, подобно Великобритании в Европе времён «концерта», и полутора сотнями остальных – средних и малых, конфликты между которыми решались бы через систему союзов под американской эгидой, прежде всего НАТО.

Рисуя картину такого «асимметричного» мира, Бжезинский допускает, тем не менее, в более или менее отдалённом будущем возможность приобретения отдельными региональными державами глобального калибра – в первую очередь Китаем: «Мы должны принять необходимость компромисса (с китайцами), поняв, что ни они, ни мы не заинтересованы в конфликте. Мы можем извлечь из разумного компромисса большие выгоды», – подчёркивал он в интервью французской газете «Монд»¹³.

Ещё более настойчиво эту же идею развивает Киссинджер в объёмистой работе «О Китае», где автор не только вспоминает о своём собственном опыте пионера американо-китайского диалога в начале 70-х гг. прошлого столетия, но и формулирует предложения на будущее. «Отношения между Китаем и Соединёнными Штатами не должны стать игрой с нулевой суммой... Острое соревнование между ними более вероятно в экономической и социальной, чем в военной сфере», – утверждает он¹⁴. Отсюда бывший госсекретарь делает вывод о возможности сотрудничества государств АТР, США и Китая, а также Японии, Индонезии, Вьетнама, Индии, Австралии, образцом которого могло бы служить трансатлантическое сотрудничество после Второй мировой войны.

Тем не менее, подобная аналогия вряд ли корректна. После Второй мировой войны Европа была крайне ослаблена экономически, а политически парализована страхом перед СССР, что обеспечило США безраздельную гегемонию в западном мире. полвека спустя оба эти фактора ушли в прошлое. В современной Азии же экономика далеко обогнала по темпам роста как Европу, так и США. Опасения же азиатов перед растущей военной мощью Китая побуждают их скорее искать способы сотрудничества с ним, нежели добиваться у США гарантий безопасности, сомнительную ненадежность которых наглядно показали уроки Вьетнама в прошлом и Афганистана в настоящем.

Более реалистичный анализ причин неудач внешней политики США за последнее десятилетие и рекомендации для их преодоления предлагает видный американский политолог младшего поколения Фарид Закария, главный редактор международного издания журнала «Ньюсуик» и комментатор телеканала CNN. Будучи по происхождению индийцем-мусульманином, он лучше многих его коллег в стране,

¹³ Le Monde, 31 mars 2011.

¹⁴ Henry Kissinger. On China. Allen Lane, London, 2011. P. 523-525.

ставшей его второй родиной, видит объективные реалии глобализованного мира XXI в., который бесповоротно стал многополярным. «На военно-политическом уровне мы остаёмся в мире единственной сверхдержавой. Но во всех других отношениях – промышленном, финансовом, образовательном, социальном, культурном распределение мощи уходит всё дальше от американского доминирования. Это не означает, что мы вступаем в антиамериканский мир. Но мы движемся в стороны пост-американского мира, определяемого и руководимого из многих мест и многими людьми», – пишет он¹⁵.

Закария упрекает американцев в том, что они чересчур самоуспокоились, смотрят не в будущее, а в прошлое. Они сосредотачивают, по его мнению, свои экономические и политические приоритеты, прежде всего, на сохранении статус-кво, которое отвечает интересам собственных влиятельных элит и категорий избирателей. Именно так случилось в своё время с Великобританией, проигравшей соревнование с Германией. Между тем другие народы избрали своими приоритетами то, что определит вес стран на мировой арене в перспективе – инфраструктуре, вложениях в человеческий капитал (здравоохранении, образовании), научных инновациях. Даже глобализация, которая ещё недавно считалась главным козырем США, начала работать против них: экспорт составляет лишь 10% американского ВВП, тогда как у многих европейских, а теперь и азиатских стран в разы больше¹⁶.

Ещё более определённо в том же духе высказываются два офицера вооружённых сил США – капитан Портер и полковник Миклби в аналитической записке под заголовком «Национальный стратегический дискурс», подготовленный для Международного центра Вудро Вильсона. Их основной тезис сводится к тому, что США имеют шанс сохранить свою роль сильнейшего конкурента и наиболее влиятельного игрока в глубоко взаимосвязанной глобальной системе XXI в. лишь в том случае, если они будут инвестировать не столько в оборону, сколько в прочное процветание и инструменты сотрудничества в планетарном масштабе¹⁷.

Точку зрения Закарии разделяют многие европейцы, в глазах которых события на Ближнем Востоке в политическом плане, а мировой кризис – в экономическом поставили под вопрос универсальность американской модели капитализма, объявленной после крушения СССР «концом истории». Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун отмечал, что за последние два десятилетия в мире произошёл самый значительный сдвиг в расстановке производительных сил со времён первой промышленной революции: впервые в истории Америка и Европа вместе взятые произвели, обработали, экспортировали и инвестировали меньше, чем остальной мир.

В течение следующих 20 лет, утверждает он, такой же сдвиг произойдёт и в сфере потребления – всемирный средний класс увеличится втрое, а Азия превзойдёт США по объёму потребления втрое. В таких условиях Запад может сохранить свою роль в будущем мире только ценой массивных инвестиций в науку, технику, производство потребительских товаров для азиатского среднего класса. А это

¹⁵ Fareed Zakaria. The Post-American World. Allen Lane, London, 2008. P. 5.

¹⁶ Fareed Zakaria. Are America's Best Days Behind Us? «Time», March 14, 2011.

¹⁷ A National Strategic Narrative. Woodrow Wilson Center. 2011.

предполагает абсолютный приоритет вложений в собственный человеческий потенциал – образование, здравоохранение, инфраструктуру. В противном случае «миллионы людей на Западе будут обречены на длительную безработицу и нищету», – заключает Браун¹⁸.

Его соотечественник – британский социолог Уилл Хаттон отмечает, что такой стратегический поворот потребует пересмотра преобладавшей до кризиса социально-экономической модели. «Первый вопрос связан с преодолением характерного для Уолл-стрит понимания процесса генерирования стоимости как краткосрочного финансового инжиниринга. Необходимо ратовать за более тонкий и комплексный взгляд на создание богатства как на социально-организационный процесс, а не только героическое проявление индивидуализма. Второе: важно настаивать на том, что США, как и Европа, нуждаются в эффективном общественном договоре, охватывающем и бедную половину американского населения. Неравенство, лишения и снижение социальной мобильности людей не могут поощряться в столь богатой и обладающей столь благородными идеалами стране, как Америка. Третий и, возможно, самый важный вопрос состоит в том, что США должны соответствовать собственным критериям демократии. Неправильно, когда единственным достоинством, необходимым для получения государственной должности, становится богатство»¹⁹.

Таким образом, на Западе вновь столкнулись две модели рыночной экономики – американская и европейская, о соревновании которых ещё в начале 90-х гг. XX в. писал французский экономист Мишель Альбер²⁰. Американскому (точнее англосаксонскому) неолиберальному капитализму, которому свойственны минимизация регулирующей роли государства и приоритет спекулятивных финансовых операций, приносящих немедленную прибыль, он противопоставлял европейской («рейнской», т.е. прежде всего германской) с его упором на долгосрочные инвестиции в реальный, особенно промышленный сектор, плоды которых распределяются с помощью государства между всеми социальными партнёрами. Если с конца 70-х гг. XX в. на Западе превалировал первый, то с развёртыванием мирового кризиса 2008–2010 гг. второй взял реванш.

В сфере международных политических отношений концепция этих моделей принимает форму конфликта двух сценариев мироустройства – однополюсного с центром в США и многополярного, где различные компоненты силы – «жёсткой» и «мягкой» распределены между различными полюсами асимметрично. В военной мощи может преобладать один, в экономической другой, в культурной третий: «Мы вступили в эру относительного могущества», – подчёркивает президент Франции Николя Саркози²¹.

Характерно, что эта формула принадлежит отнюдь не антиамериканисту, а напротив, по оценке посла США в Париже, «самому проамериканскому президенту» в послевоенной истории Франции (соответствующая телеграмма была предана

¹⁸ Gordon Brown. Take Back the Future. «Newsweek», May 23-30, 2011.

¹⁹ Уилл Хаттон. Мир, в котором мы живём. Пер. с англ. «Ладомир», М., 2004 г. С. 468-469.

²⁰ Michel Albert. Capitalisme contre capitalisme. «Seuil», Paris, 1991.

²¹ «Politique internationale», N 120, 2008. P.11.

гласности сайтом «Викиликс»). Выступая за радикальное улучшение франко-американских отношений, серьёзно осложнившихся в связи с войной в Ираке, Саркози давал понять своим заокеанским партнёрам, что сближение между ними должно стать отныне более равноправным, чем прежде, ибо США нуждаются теперь в своих союзниках не меньше, чем союзники в них.

Развивая эту мысль, уже цитированный выше британский аналитик Уилл Хаттон делает вывод: «Урок, который надо осознать в XXI веке, состоит в том, что борьбу за безопасность, благосостояние и справедливость нельзя выиграть силами отдельной страны. Это международное дело, требующее согласия относительно ценностей и признания взаимозависимости. Тут необходимы политические дискуссии, смелость и лидерство. Америка сама сделала себя неспособной бороться за эти цели, поэтому вперёд должна выйти Европа. Это вызов и ответственность, но их нельзя избежать. Строительство новой Европы становится условием благополучия, мира и справедливости не только в её собственных пределах, но и в глобальных масштабах»²². Хотя на фоне серьёзных трудностей, переживаемых ныне Евросоюзом, подобная заявка выглядит несколько самонадеянно, она сама по себе достаточно симптоматична.

Полемика между сторонниками тех или иных моделей общества и стратегий мироустройства двух основных центров Запада по обе стороны Атлантики не ограничилась представителями интеллектуальной элиты. Избрание в 2008 г. Барака Обамы – первого афроамериканца в более, чем двухвековой истории США безусловно явилось знаменательным событием, отражавшем эволюцию не только американского общества, но и мира в целом. Не менее важно было и то, что Обама одержал победу в нелёгкой предвыборной борьбе под лозунгами реформ как во внутренней, так и внешней политике Соединённых Штатов, отвечающих вызовам современности.

Эти обещания не остались только вербальными. Вопреки упорному сопротивлению республиканской оппозиции в Конгрессе президенту-демократу удалось провести реформу здравоохранения, предоставлявшую медицинское обслуживание лишённых его ранее 45 млн. американцев из наименее обеспеченных слоёв населения. Сделаны заявки на сближение зависимости американской экономики от импортных энергоносителей, модернизацию инфраструктуры страны при сокращении за 10 лет дефицита и госдолга на 4 трлн долларов. Провозгласив политику «перезагрузки» отношений с Россией, Обама подписал с ней новый Договор об ограничении стратегических вооружений. Призыв к диалогу с мусульманским миром был подкреплён определением сроков постепенного вывода американских войск из Ирака, а впоследствии и Афганистана.

Столкнувшись с мощной волной революционных потрясений в арабских странах, которые смели коррумпированные авторитарные режимы в Тунисе, затем Египте, Обама, застигнутый ими врасплох, проявил гораздо бóльшую осторожность, нежели его предшественник Дж. Буш-мл. Когда события в Ливии переросли в кровопролитную гражданскую войну, Вашингтон постарался заручиться резолюцией СБ ООН по созданию бесполётной зоны, переложив ответственность за её военно-политическую реализацию на европейцев – Францию и Великобританию,

²² Уилл Хаттон. Цит. соч. С. 469.

а затем на НАТО. Его поддержали многие видные политики и чиновники. «Внешняя политика – это вопрос приоритетов. США не могут делать всё, что угодно и где угодно», – заявил перед комиссией Сената США по иностранным делам президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас, осудивший в связи с событиями в Ливии попытки втравить Америку в уже третью по счёту войну с мусульманской страной, когда исход обеих предыдущих ещё отнюдь не ясен. По существу Хаас повторил четвертью века спустя предупреждение Пола Кеннеди об опасности чрезмерных имперских амбиций США. Причём на сей раз оно прозвучало из уст не только университетского профессора, но и опытного практика, игравшего в прошлом важнейшую роль в деятельности американской дипломатии на посту руководителя отдела планирования Госдепартамента США. Его позицию публично поддержали министр обороны Роберт Гейтс и председатель Объединённого комитета начальников штабов ВС США адмирал Майк Муллен, которые заявили, что ситуация в Ливии «заходит в тупик».

Тем не менее, надежд, возлагавшиеся мировым общественным мнением на коренной перелом в принципиальных подходах США, а вслед за ними и Запада в целом к строительству нового, безопасного и равноправного мирового порядка оказались преувеличенными. Ситуация в Ираке и Афганистане остаётся тупиковой, российско-американский диалог по созданию приемлемой для обеих сторон системы ПРО в Европе затянулся, отношения США с главным из «всплывающих» гигантов Азии – КНР развиваются непросто.

Половинчатость многих позитивных начинаний Б. Обамы отчасти объясняются объективными причинами. Экономика США с трудом преодолевает последствия мирового кризиса, безработица остаётся высокой. Разочарование части избирателей Обамы привело к поражению демократической партии на промежуточных выборах 2010 г., в результате которых республиканцы утратили большинство в Палате представителей Конгресса.

В этих условиях президент вынужден идти на компромиссы с консервативной оппозицией – сохранить введённые его предшественником налоговые льготы на зажиточные слои населения, урезал закон о медицинском страховании, продолжил усилия по созданию системы ПРО в Европе, подтянул морскую эскадру к берегам Ливии, направил туда беспилотные бомбардировщики, выходя за рамки резолюции 1973 СБ ООН, и т.д.

Однако эти уступки отнюдь не удовлетворили правоконсервативное крыло республиканцев, добивающихся дальнейшего снижения налогов за счёт свёртывания социальных программ государства и резкого ужесточения позиций на международной арене. Неудачливый соперник Обамы на президентских выборах 2008 г. сенатор-республиканец Джон Маккейн выдвинул идею создания глобального «союза демократий» во главе с США для противостояния России, Китаю, за активное вмешательство во внутренние процессы в постсоветском пространстве, арабско-мусульманском мире и т.д.

Эти проекты по существу продолжают стратегию американских неоконсерваторов дискредитированных и покинувших коридоры власти в Вашингтоне на заключительном этапе второго президентского мандата Дж. Буша-мл. Их краеугольным камнем служат сё те же утверждения об исключительности западной

модели общества, которая призвана стать образцом для всего человечества, ввиду чего XXI столетие должно стать «американским». «Нашей стране необходимо найти выход из политического паралича не только сохранением глобального лидерства, но и применением его на деле», – заявляет директор программ Фонда «Новая Америка» Андрес Мартинез²³.

Эти самоуверенные заявления отражают символ веры не только ультраправой части американских элит, но и массового обывателя, оказавшегося восприимчивым к радикальным национал-популистским лозунгам движения «Чаепитие» (названного так в память о событиях 16 декабря 1773 г., когда американские колонисты уничтожили груз чая из Англии в знак протеста против налогов на него, введённого британским парламентом, с чего началась Война за независимость США). Один из лидеров «Чаепития» – Сара Пейлин, бывший губернатор Аляски, баллотировалась вместе с Маккейном на пост вице-президента на выборах 2008 г.

По другую сторону Атлантики с аналогичным проектом выступил бывший премьер-министр Франции Эдуард Балладюр, который призывает США и Европу создать Западный союз во имя защиты во всём мире своих принципов и ценностей, коим угрожают-де ныне страны Азии, Африки, Латинской Америки, стремящиеся взять реванш за унижения веков колониализма: «Запад сегодня разделён и оказался объектом конкуренции. Он неспособен организовать, дабы встретить сплочённым испытания... История начинает твориться без него, а когда-нибудь и против него»²⁴.

Волна правозэкстремистского национал-популизма прокатилась по целому ряду европейских стран – Франции (Национальный фронт), Германии, Нидерландам, Венгрии, даже миролюбивой нейтральной Швейцарии. Не остались в стороне от этой волны и постсоветское пространство – Россия, Украина, страны Балтии (в каждой, естественно, по-своему), где её катализатором, как и в Западной Европе, послужил приток нелегальных иммигрантов из мусульманских стран Африки и Азии.

Наконец, всё чаще слышны голоса скептиков, которые вообще не верят в реальность международного управления кризисами в любом варианте – однополярного мира с центром в США, биполярного кондоминиума, где партнёром США вместо бывшего СССР стал бы Китай (G-2), наконец, многополярного в рамках «восьмёрки» (G-8) или «двадцатки» (G-20).

Свой пессимизм они обосновывают ссылками на безответственное поведение государств «двадцатки», оказавшихся не в состоянии преодолеть свой национальный эгоизм и принять конструктивные решения по созданию новой системы международных отношений, как только острота последнего глобального экономического кризиса начала ослабевать, каждое государство вернулось к своим узкокорыстным интересам. Отсюда – мрачные прогнозы неуправляемого, хаотичного мира, организовать который не под силу любой структуре, сколько бы полюсов у неё ни было.

²³ «Time», Annual Special issue, Vol. 175, N 11, 2010. P. 36

²⁴ Edouard Balladur. Pour une Union occidentale entre l'Europe et les Etats-Unis. «Fayard», Paris, 2007. P. 9.

Такова, в частности, оценка нынешней ситуации президентом Евразийской группы по оценке политических рисков Поля Бреммера и известного экономиста, профессора Нью-йоркского университета Нуриэля Рубини. «Мы живём сейчас в бесполюсном мире (G-0), где ни одна отдельно взятая страна или блок стран не имеет достаточных возможностей или воли выработать подлинно международную повестку дня, – утверждают они. – Результатом будут всё более интенсивные конфликты на международной арене по жизненно важным вопросам – таким, как международная макроэкономическая координация, реформа системы финансового регулирования, торговая политика или реакция на потепление климата»²⁵.

* * *

Подводя итоги краткому обзору основных западных моделей и стратегий в глобализированном многополярном мире XXI в., можно прийти к выводу, что единого или даже преобладающего варианта решения проблем современности среди них пока не просматривается. Большинство западных аналитиков, будь то американских или европейских, мыслят в основном категориями прошлого, что объясняет, но отнюдь не оправдывает их разнобой. Тем не менее, эффективные подходы к этим проблемам, безусловно, существуют. Они могут и должны быть найдены совместными усилиями представителей всего международного сообщества – Запада и Востока, Севера и Юга, ибо вызовы, с которыми столкнулось ныне человечество, носят глобальный характер.

²⁵ «Foreign Affairs», March-April 2011, vol. 90, N 2. P. 2.